

Во время судебного процесса Гарри пытался умолять суд и свою бывшую приемную семью выслушать его, позволить ему принять Сыворотку правды, чтобы правда стала известна. Когда они закричали об этом, он попросил их посмотреть его воспоминания в «Омуте памяти», но был встречен смертельными взглядами. Все в зале суда, казалось, были чертовски заинтересованы в том, чтобы лишить его права голоса в собственной защите. Конечно, у него был назначенный судом волшебник-защитник, но тот без энтузиазма задавал мало вопросов и быстро занял свое место, задав лишь несколько расплывчатых вопросов каждому из так называемых свидетелей. Гарри знал, что этот человек больше беспокоился о своей карьере после этого суда, чем о реальной защите. По какой-то причине они даже не позволили Гарри выступить в качестве свидетеля, он снова спорил и умолял их дать ему Сыворотку правды, но с таким количеством подавляющих доказательств они сказали ему сесть и принять приговор за свое преступление. Гарри был опустошен этим предательством, но понимал, что ничто из того, что он сделал, ничего не изменит. Все надежды были разбиты, и слезы беспрепятственно бежали по его лицу, он был поглощен болью, которую чувствовал, и ему было все равно, что другие считают это признаком слабости. А почему его это должно волновать? Казалось, никому больше нет до него дела!

Они признали его виновным и приговорили к Азкабану и дементорам до конца жизни. Он не сопротивлялся, когда двое Мракоборцев пытались вытащить его неподвижное тело из зала суда, но и управлять своим телом он не мог. Цепи вокруг него еще больше утяжелили его, и ему казалось, что он проваливается в ад. Он обратил внимание на крики, которые начались рядом с ним, пока его тащили сквозь толпу к выходу из зала суда. Несколько голосов выделялись на его фоне, и он еще больше умирал внутри от их слов и действий.

«Ты ублюдок, ты убил моего брата!» крикнул Рон, ломая палочку Гарри о его колени. Из сломанной деревяшки вылетали искры и гасли, угасая в небытии. Гарри почувствовал, как вместе с палочкой умирает еще одна его часть; эта палочка была у него с тех пор, как он попал в волшебный мир. Несмотря на то что она была близнецом Волан-де-Морта, она блестяще помогала ему пройти через все царапины, а теперь ее больше нет. Гарри поднял залитое слезами лицо и умолял их понять, осознать, что он этого не делал, это был не он. Он не мог поверить, что Рон, его первый и лучший друг, мог так поступить с ним. Рон знал, через что он проходил каждое лето! Он знал о Волан-де-Морте! Как он мог не понять? Ненависть в глазах друга сказала Гарри достаточно.

«Гарри, как ты мог? Я бы хотела никогда не встречать тебя, ты грязный, отвратительный, злой таракан! « - выстрелила Гермиона с другого конца комнаты. В него полетела книга и, приземлившись у его ног, вспыхнула. Его взгляд упал на знакомый фотоальбом, который Хэгрид подарил ему после первого года обучения в Хогвартсе. Дым взвился в воздух, заставив его закашляться от мерзкого запаха горелых страниц и единственных воспоминаний о родителях и семье. Фотографии скручивались сами в себя и растворялись в пепле, а он не мог оторвать глаз. Его мать и отец радостно махали ему с фотографии, не подозревая, что он видит их в последний раз. Его колени подкосились, и он откинул голову назад в первобытном крике агонии. Гарри почувствовал, как его охватил холод, и мир потемнел, кошмары начали повторяться снова и снова, искажаясь во все более ужасающие детали.

Казалось, все в зале суда замолчали, когда мальчик перед ними закричал от боли, как будто его сердце только что взорвалось. Если бы они знали лучше, то поняли бы, что только что сломали мальчика, который был жив, мальчика, которого они поклялись любить и защищать

любой ценой, своего спасителя. Мальчика, которого они сейчас осуждали и оплевывали, когда его снова вытаскивали из зала суда без сознания.

00ooOOoo00

Гарри помнил сцену своего суда не только в кошмарах, но и в бодрствующей жизни. Она мучила его снова и снова, каждое чувство любви, а затем предательства повторялось в бесконечном цикле. Он не знал, сколько времени провел в своем новом доме, как он его называл, потому что время здесь действительно не имело никакого значения. Жизнь была всего лишь затянувшейся пыткой, кошмары о всех тех, кто умер, проклинаят его по ночам, а те, кто жив, проклинаят его днем. Боль оцепеняла его, отрывала от жизни, он жаждал смерти каждую минуту каждого дня.

Дементоры теперь были ничем. Он слышал скорбные крики других, когда дементоры были рядом, но они больше не влияли на него. Он навсегда утонул в своих воспоминаниях, у него больше не было счастливых воспоминаний, которыми они могли бы питаться. Он не мог отличить свои сны от реального мира. Он был приговоренным, и он принимал это, он считал, что заслужил это, он желал, чтобы его смерть наступила поскорее. Суды волшебного мира, должно быть, обсуждают это, почему им понадобилось так много времени? Даже поцелуй Дементора был бы приятным облегчением после того, как он терпел душевные муки.

Свернувшись калачиком в своей «кровати», пытаясь украсть тепло там, где его не было, он услышал голоса. Сначала он подумал, что волшебный мир наконец-то решил покончить с его жизнью, и он приветствовал это. Он с тревогой ждал звука шагов и был разочарован, когда их не последовало. Он прислушался сильнее, заставляя свой разум отодвинуть видения на второй план, чтобы лучше слышать звуки подземелья, но через, как ему показалось, несколько минут никаких звуков не последовало, и никто не открыл дверь его камеры.

Он проклинал себя за то, каким глупцом был, что даже надеялся на такое, боль от предательства и тоски тут же охватила его, это было хуже, чем в тот первый роковой день. Но голоса пришли снова и не уходили, они становились все сильнее и яснее в его разуме, объясняя, воспитывая, заботясь и даря. Он принял голоса с распростертыми объятиями, прекрасно понимая, что это последняя капля. Теперь его официально признают сумасшедшим, но голоса утешали его, как он жаждал утешения. Голоса стали его спасательным кругом. Он поддавался им, жадно черпая из них, не особо понимая, кто или что они такое, они заполняли тьму внутри него, избавляя от постоянной боли.

«Пора, юный».

Темнота окружала его, и он не мог видеть, кто с ним говорит. Он почувствовал, как его поднимают, затем боль ушла, и он стал свободным. Свободный от боли и видений, яркий свет охватил его, согревая душу. Он был настолько ярким, что он боялся открыть глаза.

«Ты в безопасности, Гарри Поттер. Здесь нет никого, кто мог бы причинить тебе боль».
Прошептал мягкий музыкальный голос.

«Кто ты?» спросил Гарри, не открывая глаз.

«Мы те, кто мы есть. Мы здесь, чтобы помочь тебе, юный, ибо мир сбился с пути».

«Где я и как вы собираетесь мне помочь?» Удивившись силе своего голоса после того, как он так долго им не пользовался, он продолжил: «Как я могу говорить, почему я не чувствую...»

«Все будет объяснено, наберись терпения».

Гнев Гарри начал расти; это был именно тот вид разговора, из-за которого он раньше попадал в неприятности. Никто не говорил ему ничего из того, что ему нужно было знать, они просто ожидали, что он будет слепо следовать советам остальных.

«Не злись, Гарри Поттер, нам предстоит долгое путешествие, и тебе нужна та небольшая сила, которая у тебя есть сейчас. Доверься нам пока что».

«Какое путешествие? Куда мы идем? Что...» Гарри не успел больше ничего сказать, как почувствовал, что его стремительно тянет по воздуху. Это было не совсем то же самое, что Портал, - скорее, это было похоже на спуск с горки, гладкой и обтекаемой, а не на вихрь, от которого тошнит. После того как прошло, казалось, целая вечность, Гарри наконец почувствовал, что мягко остановился. «Определенно не как Портал», - подумал он, вспомнив, какой толчок он ощутил, когда прибыл от них.

«Мы здесь, отдыхай спокойно, молодой человек».

Из ниоткуда появилась плюшевая кровать, и Гарри подняли на нее. Мягкие, теплые одеяла окружали его, и его разум был спокоен. Сейчас ему было все равно, где он находится, лишь бы это была не холодная, жесткая камера в Азкабана. Облегченный тем, что наконец-то оказался вдали от ужаса и боли, он погрузился в беспробудный сон, не успев произнести ни слова.